

Воспоминания ни о ком - часть II

Хина Мотидзуки

- Глазаа-а-астая! Кукла!

- Ведьма!

- Вали в Америку, гайджинка! Ао-чан, ну ты глянь на неё! Она в первом классе писать почти не умела, представляешь?

- А может она и правда с облака свалилась? Помнишь, Инори-кун рывкнул у неё над ухом в столовой? А, блин, вас на стадионе гоняли... прикинь, эта сумасшедшая даже не шелохнулась! Как манекен, честное слово... но она же не глухая! Так не бывает.

- Девчонки из пятого ещё говорили, якобы им рассказал кто-то, живущий неподалёку от этих... Короче, её отец - бывший якудза из Киото, прячется здесь от кансайской полиции, а Сан ему на самом деле не родная!

- Да ну, не верю. Эту, дылду в очках, видела же? Похожи? Похожи. Брось, Судзуки просто чокнутая.

Всё это настолько привычно, что не заслуживает внимания, как и недавняя выходка очередного придурка из класса 4-2. Чтобы заставить Сан облиться соком, нужно нечто большее, чем дурацкий громкий окрик в ухо, за который безмозглого мальчишку, не заметившего стоящего у буфета преподавателя, ещё и отчитали. Ха. Альтернативно одарённые представители параллельного класса после перевода к ним одного из обидчиков Хидны - на всякий случай, хотя ни тот, ни другая не горели желанием продолжать стычки - рьяно присоединились к насмешкам; Юми как всегда права, да, стадное чувство заразительно. Дерьмо всегда сбивается в кучу. Конец семестра, сестрёнка наверняка зашивается в университете, но всё равно находит минутку и звонит каждый день. А на этих наплевать, обидно другое. Одна девочка, как её по фамилии... Микадо, кажется... в общем, зря она пошла против своих и влезла вступаться за "эту ненормальную из 4-1". Глупо, самый простой способ стать белой вороной. Теперь ей достаётся не меньше - точнее, доставалось. Бедняга не появляется в школе уже вторую неделю.

Вернувшись в класс, маленькая Хидна буднично вырывает из помятой тетради по японскому языку, предназначенной для прописей кандзи, несколько листов. на которых появилась уже привычная и до уныния однообразная информация на полях и даже между строк, дополненная нехитрыми аляповатыми рисунками. "Фальшивая трёхцилиндровая Судзуки" - намёк на продукцию одноименной корпорации, базирующейся в Сидзуоке, и происхождение девочки, - "отец - подстилка", совсем уж неприлично исковерканное имя "Сора" (с высоченной, неизменно позитивной симпатичной девочкой-подростком, часто прибегающей встречать младшую сестру, большинство одноклашек Сан в хороших отношениях и всегда рады поболтать, но относится это, увы, не ко всем), мерзейшая фраза на английском и классные работы нескольких последних дней отправляются в поношенный кожаный портфельчик, некогда принадлежавший Юми - конспекты придётся переписать. Ничего, не в первый раз. Портфель на месте, его тронуть не посмели: очевидно, ещё помнят последствия предыдущей попытки утопить его в реке через дорогу от школы. Собственно, после неё Хирако и перевёлся, теперь тише воды и, шагая навстречу в

коридоре, глаза отводит. Убрав стопку листов в сумку, младшая Судзуки выпрямляется и обводит помещение класса стеклянным взглядом, поворачивая всю голову, точно сова с неподвижными глазами. У окна обнаруживается витающий в облаках Ямада, опершийся на подоконник, а на полу рядом с ним режутся в "Нинтендо" два его приятеля. Ничего нового.

- Вы были здесь всю перемену, да?

- Ну да. Судзуки, тебе снова какой-то паршивец тетрадку испортил? Ай-яй-яй... Пора привыкнуть брать портфель с собой, что ли, а то ведь который раз уже проедаешь всё самое интересное. Кстати, когда ты потолстеешь уже?

- Ямада, кто последним подходил к моей парте?

- Прогресс, Судзуки, уже более-менее связно говоришь по-японски. Окада, не твоё творчество, случаем? Смотри, наша боевая Сан-сан тебе рот с мылом за такое на следующей перемене прополощет, а на стадионе сотрёт ноги в кровь, но побьёт твой рекорд круга. Ты ж не переживёшь такого позора.

- Вот сейчас обидно было. Я же не хожу на инг-ришш, Ямада-кун - честно, просто написал бы "Экидона из картона". Мне-то откуда знать, как пишется "Судзуки - суки" латиницей? Это у неё надо спросить, она же только прикидывается япон...

Не изменившись в лице, не произнося более ни слова, Сан незамедлительно загоняет ртутный столбик термометра в зашкаливающее верхнее положение и размахивается ногой, обутой в белый увабаки с синим носком - цвета младшей школы Иномиякита - прямо в лицо автору рифмованных строчек, сидящему в опасной близости к девочке, чьи повадки давно известны всей школе. Опрометчиво. Окада, осёкшись на полуслове, каким-то чудом успевает увернуться, откидывая голову назад и растягиваясь на полу; дорогая электронная игрушка, случайно принявшая удар, вылетает у мальчишки из рук и с громким пластиковым треском ударяется о стену.

Короткие секунды возни, и трое помятых приятелей, избегая пирровой победы, бегут на третий этаж, к кабинетам администрации - жаловаться первому же попавшемуся учителю или даже директору, если повезёт, прекрасно зная, что разозлённая хафу ломанётся за ними следом. Чем всё закончится, а драки почти всегда заканчиваются одинаково, знает и Сан, но останавливаться вовсе не собирается. Если на лестнице удастся нагнать Окаду, улепётывающего последним, и треснуть его в ухо ещё разок, то погоня затеяна уже не зря - и попадание в капкан, куда сейчас заманивают полукровку, тоже стоит того.

"Хидна, прошу, тебя же исключат... зачем ты так?"

А разве не ясно, Юми-чан? Потому что всегда мало. Мне никогда тебя не догнать. Я горжусь тобой и сестрёнкой больше всех на свете и помню твои слова: "ты не десять тысяч иен, чтобы нравится всем". А мне того и не нужно. Но каждому, кто скажет в ваш адрес подобное, я заткну рот. Не могу успехами, как ты, или обаянием, как Сора-чан - значит, заткну руками. Если не получается - я сделала недостаточно.

Судзуки Сан - живой человек, самодостаточная личность со своими желаниями, мечтами и собственной дорогой в жизни, но когда дело касается близких, это не имеет ровно никакого значения. Каждого по-настоящему дорогого ей человека она воспринимает частью себя, второй половинкой - куда более ценной, чем она сама. И совершенно неважно, кем она будет: ведущей ли - ведь Судзуки Сора, осознавая то или нет, с годами постепенно отдавала сестре поводья, пропуская её вперёд, - или же ведомой, идущей за Юми-чан и не надеясь когда-то сравниться с самой лучшей на свете сестрой; за Нохарой-сан, держа её за руку, Чуном Тео на полшага позади или за Мотидзуки Джуном тенью, след в след.

Хина Мотидзуки

Каждому любителю хорошенько поспать по утрам, под настроение от случая к случаю переходя границу и послеобеденного времени этак на часок-другой, хорошо знаком побочный эффект несоответствия персональных биологических часов и общепринятого режима. "Город засыпает - просыпается мафия"? Не обязательно. Ты можешь быть хоть сицилийским мафиози, хоть олицетворяющей его пиковой мастью на игральной карте, хоть ночным зверьком-лори - глазастым, сильно напоминающим закоренелого наркомана приматом, - хоть молодой девушкой-полукровкой русско-японского происхождения по имени Сан, которая даже не подозревает, что при рождении её нарекли именно так. У всех перечисленных, одушевлённых ли, разумных или нарисованных, есть как минимум одна общая черта: после заката всем им категорически не хочется ложиться в постель. Да и, тем более, какой тут сон, когда столько событий следуют одно за другим, а в сознание будто бы ломится кто-то чужой...

Почему Судзуки не рассказал дочерям о существовании магии? Сложный вопрос, но японца можно попробовать понять, если поставить себя на его место. Кто бы решился в одночасье разрушить мировосприятие одновременно всех оставшихся в живых близких, воспитанных - насколько это возможно - самыми обычными людьми? Рассказ о ментальной магии бы закончился, не успев толком начаться. Хидна, сидящая на полу гостиной, скрестив ноги, хлопала бы глазами, мысленно крутя пальцем у виска и одновременно с тем последними словами костеря себя за нереализованный жест, недопустимый в отношении родного отца. Спустя десяток-другой секунд она бы сорвалась к средней сестре, приводить ту в чувство: Сора, чья жирафья реакция всем прекрасно известна и до которой не сразу доходит, обязательно со всей высоты своего внушительного роста грохнулась бы в обморок. Если предположить, что Судзуки собрал полноценный семейный совет и дома находится Юми - на момент проверки на прочность паркетного пола сестриним железобетонным затылком её в комнате уже бы не было. Субтильная и низкорослая старшая дочь, крашенная в брюнетку и соображающая несравнимо быстрее вечно взъерошенной дылды-сумасбродки, уже всю бы набирала в соседнем помещении номер психиатрической клиники, наспех нагугленный на смартфоне: у батюшки явно приключились серьёзнейшие неполадки с головой. Если действовать оперативно, то, возможно, положение окажется пока ещё обратимым и специально обученным людям удастся отремонтировать отца. Почувствуй она вдруг пробуждение собственных сил - всё равно бы звонила, но уже с требованием удвоить количество санитаров. Ведь препровождать в весёлое заведение, где кормят таблетками и иногда привязывают к кровати, пора и её тоже.

В итоге всё получилось так, как получилось. Вероятно, рискованные действия отца семейства Судзуки в некотором смысле всё-таки помогли его младшей дочери. Да, Сан, даже лишённая памяти, до последнего цеплялась за простое, привычное мироустройство чисто инстинктивно, повстречав Чуна Тео, но глазам и ощущениям не поверить всё же не смогла. Не помня себя, семьи, привычной жизни, куда проще принять что-то новое - то, чему в прошлой, скорее всего, попросту не нашлось бы места.

Хина Мотидзуки

Нохара-сан, а вы приезжали проводить меня, да? Ну, в последний раз...

Нохары, папы, Юмички, Соры больше нет, да и не было никогда их в том мире, где живёт Мотидзуки Хина, возвращающаяся из Сада Четырёх Стихий обратно в монастырь - ступая по тропе, которую в темноте почти не видно, и периодически потирая виски. Происходящее где-то в самых недрах сознания молодой полукровки можно довольно метко сравнить со диалогом слепого и глухонемого: две образа одной и той же личности, нынешняя Мотидзуки Хина и Судзуки Сан, безуспешно стараются наладить связь, перестукиваясь отзвуками эмоций через монолитную стену, разбившую память надвое, хотя их контакт априори невозможен - они не существуют друг для друга в принципе, одновременно являясь одним и тем же человеком. Тени прошлого на первый взгляд бессистемно и без предупреждения мелькают у Хидны в голове фантомными вспышками на грани восприятия, поди их улови - но хруст повреждённого "жёсткого диска" девушка иногда чувствует почти физически. Словно головная боль, только без боли.

По занятой иронии судьбы хафу в монастыре вернулась практически к тому же образу жизни, что сопровождал её последние месяцы дома, вплоть до роковой утренней поездки с Сорой. Младшая из сестёр Судзуки, разойдясь во мнениях с отцом и не договорившись с ним о своём будущем, по окончании старшей школы осталась в городе, так никуда и не поступив. Домашние бытовые дела - исключая, конечно же, готовку, - книги, книги; вечером - факультативные занятия, которые она не перестала посещать, даже выпустившись из школы, а потом снова чтение до середины ночи... право, идиллия, хоть и без каких-либо перспектив. Монастырский быт Хидны практически аналогичен - точнее, был таковым, до определённого момента. Сначала Триколенко-сенсей, его неподобающее отношение к бородатому норвежцу и слова об опасностях, подстерегающих за пределами территории Храма - и вот частичка позабытого прошлого просочилась наружу; позже появился соотечественник, принявшей безродную девушку под своё крыло и нарёкший именем, а следом пробудились и магические силы. Мотидзуки Джун занял своё место мягко и ненавязчиво - раскрывшаяся Манипура же ворвалась бесцеремонно и не спрашивая разрешения у Сан, долгое время считавшей себя совершенно бесталанной. И, наконец, минутой ранее - Фернандес Яреци, не уступившая наглостью жёлтой чакре, её оскорбления семьи Мотидзуки и последующее нападение. Не связанные друг с другом события неожиданно сложились в единую цепь.

Хина Мотидзуки

Тот самый день подошёл к концу, но для Хидны он - только начало. Давно, задолго до лекции Триколенко-сенсея, полукровка там же, на тренировочной площадке,

опробовала на прочность своё тело, вопреки внешней комплекции оказавшееся значительно ловчее ожидаемого - и после, уставшая, ушла спать и более о том не задумывалась, чисто ради поддержания формы иногда сбрасывая избыток энергии на многочисленных турниках. А когда в лицо летел объятый огнём кулак Яреци - вспомнила. *Это тебе не на турнике висеть вниз головой и не по бревну бегать, пусть даже ты можешь крутануть сальто и точно приземлиться ногами на деревяшку...* И не отпор школьникам давать. Тут совсем другой уровень. Кто знает, с какими вещами, ранее неизведанными, придётся столкнуться впоследствии?

Девушка на ходу достала из-за пазухи один из листов. Джун словно знал, чего не хватает его подопечной: быстрой, но ещё недостаточно. До мастеров владения катаной ей далеко. Способной, *обязанной* быть ещё быстрее - или сильнее. Если не силой физической, то другими способами.

Пожалуйста, сработай... - Судзуки уже жалеет, что уделила отработке нового заклинания так мало времени, что мало практиковалась в каллиграфии, ведь даже ханьцы-компасы действуют через раз, но всё равно сжимает левый кулак с листом офуда так сильно, что от ногтей на коже ладони остаются глубокие багровые следы. Муладхара протестующе давит на стопы в жалкой попытке сопротивления более развитой жёлтой "подружке", уже запустившей свои нити к пальцам девушки в стремлении попробовать на вкус магический листок. Силы ведущей стихии Сан слишком скромны, да ещё белые кроссовки невольно выступают союзником Манипуры, отсекая девушку от прямого контакта с землёй. - *Чун-сама и Мотидзуки-сама не пострадают из-за моей слабости. Не бывать этому!*

На что, а на ярость - пусть и холодную, сосредоточенную, вызванную искренним желанием использовать свой дар во благо: защищать близких, созидать разрушением, войной ради мира, - Манипура отзывается с особенной охотой. Чего она ждала столько лет? Хидна подружилась с пламенем в камине ещё в раннем детстве, а после злилась далеко не раз, пусть даже преимущественно на себя. Означает ли это, что красная чakra окончательно сдала позиции перед жёлтой, черпающей мощь напрямую из эмоций хозяйки, или же поселившаяся в груди энергия просто не чуяла в школьных драках и насмешках серьёзной угрозы для Сан и её родных?

Как бы то ни было, сейчас Манипура считает иначе. Пройдя через фильтр листка в кулаке и насытившись дополнительной магической мощью, стихия прибавила к удару Судзуки, который та от души нанесла воздуху перед собой, длинный огненный поток, озаривший скалы на много метров вокруг. Ещё огненный шлейф, и ещё... представить противника, как учил Николай, но не щадить его, это не тренировка. Результат - совсем не то кроткое пламя, что недавно мирно плясало в ладонях, и не то, что ожидала увидеть девушка, всего лишь повторяя действия Яреци. Бить Хидну никто не учил: размахиваясь так сильно и неосторожно в реальной потасовке, недолго переломать себе пястные кости, и ещё скорее - открывшись, получить контрудар, но полукровке всё равно. А окажись рядом недоброжелатель вроде бывшего владельца катаны Николая - у девушки, в темноте ослепившей саму себя импульсивной пробной атакой, не было бы ни единого шанса, однако собственная безопасность теперь волнует её в последнюю очередь. Забытая Юми не раз говорила с горечью, пряча странную кривую ухмылку, что смерть - неотъемлемая часть жизни. Пусть так, но к родным, близким и друзьям Сан не позволит никому

прикоснуться и пальцем, какую бы цену ей не пришлось заплатить за безрассудство.

Спасибо, Триколенко-сенсей. И вам спасибо, Фернандез. Без вас обоих самое важное я поняла бы слишком поздно.

Сетчатка глаз адаптировалась к огню во тьме уже побыстрее; успокоившаяся самоучка зашагала дальше по тропе. Вскоре из мрака выглянули западные ворота Храма; твёрдо уверенная в том, что теперь способна справиться с чем угодно, Сан прошмыгнула под аркой с колоколом и тихонько, наострив уши и стараясь не попасться на глаза случайному полуночнику, прокралась к своей комнате. В следующий раз при встрече с Николаем, пожалуй, стоит вести себя более покладисто, а Фернандез... нет, спасибо ей, конечно, но каяться хафу не за что, грубиянка выхватила за дело. Хидна ещё не знает, что благодарность принимать уже некому: черноволосой девушки, волей-неволей заставившей затрещать ментальные оковы в голове оппонентки, уже несколько часов как нет в живых.
